

Глава 2. Через несколько ступеней

В 1997 году на юге Китая произошли две вспышки острого авитаминоза В1. В одной из организаций, а затем и в целом уезде более ста человек внезапно слегли с отеками ног, слабостью, одышкой и нарушением походки. Причины поначалу никто не понимал. Как показало расследование, вспышка пришлась на период дефицита свежих овощей, а в местной столовой работников кормили исключительно первосортным белым рисом.

В двадцатом веке нехватка витамина В1 давно перестала быть загадкой для медицины. Даже далекие от науки люди знали, что от постоянного употребления шлифованного риса легко заработать болезнь бери-бери. Но в эту эпоху древние люди, без сомнения, считали, что государь достоин лишь самого лучшего. Его пища должна быть изысканной, очищенной до предела, в то время как неочищенный бурый рис — удел простолюдинов. Сложив все кусочки мозаики, Цин И понял: симптомы императора Цюй Ли идеально укладывались в клиническую картину тяжелого авитаминоза.

Цин И уверенно улыбнулся.

— Евнух Чжоу, проводите-ка меня на кухню.

— В Шаншаньцзянь? — удивился тот.

— Именно. Кажется, я понял, в чем причина недуга Его Величества, но мне нужно убедиться в этом лично.

— Значит, у господина Е уже есть средство для спасения императора?

— Восемьдесят процентов... то есть на восемь долей из десяти я уверен.

— Восемь долей? Слава небу! — Юнь Чжоу облегченно прижал ладонь к груди и глубоко выдохнул. — Лекарь Е, прошу за мной.

По пути евнух без умолку сокрушался. Вспоминал и женьшень, и ласточкины гнезда, и мускус с тигровой костью — мол, император принимал все эти редкие снадобья, а толку никакого, становилось только хуже.

Слушая его причитания, Цин И лишь мысленно вздыхал. Местные эскулапы просто дрожали за свои шкуры. Не умея определить истинную причину болезни, они выписывали самые дорогие и редкие снадобья. Даже если эти драгоценные средства не помогали, они хотя бы поддерживали в теле жизнь. Не вылечат, так и не убьют. Безопасный подход для сохранения собственной головы. Но никто из них так и не додумался, что правителю не хватало самой простой, копеечной пищи.

Едва переступив порог Шаншаньцзянь, Цин И заметил слугу, который тщательно промывал рис в огромной нефритовой кадке.

— Что ты делаешь? — поинтересовался он.

Увидев евнуха Чжоу, повара и слуги тут же склонились в низком поклоне, проигнорировав вопрос незнакомца.

— Лекарь Е обратился к тебе, — холодно обронил Юнь Чжоу.

Провинившийся слуга испуганно вскинул голову:

— Отвечаю почтенному евнуху: раб ваш промывает рис.

Цин И зачерпнул горсть мелких белых зерен.

— Это для Его Величества?

Слуга украдкой взглянул на Юнь Чжоу и, согнувшись в три погибели, подобострастно затараторил:

— Да, господин лекарь, именно так.

— И сколько раз ты его промыл?

— Этот отборный рис доставили из уезда Цзяошань в качестве дани. Ваш раб сначала замачивал его в течение часа, а после промыл четырежды. По правилам полагается промыть еще шесть раз.

Цин И лишь покачал головой и вздохнул. Его реакция перепугала слугу до полусмерти.

— Господин лекарь, клянусь, я перетирал зерна с величайшим тщанием! Этот рис абсолютно чист!

— Я верю, что он чист, — вздохнул Цин И. — Даже слишком.

Он перевел взгляд на соседний стол. Там лежали нефритовые ступки и пестики для дробления риса. В одной из пиал виднелась горсть тщательно оббитых зерен, превращенных в крошечные белоснежные сердцевинки.

— А это что? — Цин И указал на мелкое шелковое сито.

Стоявший рядом молодой поваренок задрожал всем телом:

— Отвечаю господину лекарю... мы толчем императорский рис, а затем просеиваем его, оставляя только самую нежную сердцевину зерна.

Цин И горько усмехнулся. Поваренок тут же рухнул на колени, неистово бясь лбом о каменный пол:

— Господин лекарь! Ваш раб лично, зернышко к зернышку, отбирал эти сердцевинки! Перед варкой мы промываем их до тех пор, пока вода не станет прозрачной, как слеза! В моих словах нет ни капли лжи, пощадите! Почтенный евнух Чжоу, молю о милости!

"Вот вам и витамин B1, — подумал Цин И. — Вымыли подчистую". Наверняка на императорском столе ломились блюда из дичи, рыбы и редких деликатесов, но совершенно отсутствовали бобовые и грубые овощи. Избирательность в еде тоже сыграла свою роль.

— Евнух Чжоу, найдется ли в Императорской кухне обычный бурый рис? — спросил Цин И.

— Бурый? — Юнь Чжоу замялся. — Найти-то можно, но ведь это грубая пища для челяди и черни...

— Принесите его. И запомните: тереть его до изнеможения нельзя. Промойте в чистой воде три-четыре раза, не более. А затем сварите жидкую кашу и подайте Его Величеству.

— Но это же неслыханное святотатство! Как можно кормить драгоценное тело государя пищей для простолюдинов... — Юнь Чжоу поглядел на уверенное лицо Цин И, поколебался мгновение и приказал: — Живо! Сделайте все, как велел лекарь Е. Возьмите бурого риса и сварите жидкую кашу.

— Слушаемся!

— Также я выпишу рецепт отвара, — добавил Цин И. — Пусть приготовят снадобье. Давать Его Величеству трижды в день. И главное: в ближайшие дни побольше свежей зелени, поменьше мяса, никакого алкоголя и крепкого чая. Увидите, император быстро пойдет на поправку.

Уверенность, с которой держался Цин И, подействовала на Юнь Чжоу лучше любого успокоительного снадобья. Дворцовые слуги тут же зашевелились. Когда весть долетела до дворца Фуюн, толпившиеся там лекари облегченно запричитали, а сам император на ложе, казалось, воспрянул духом. Тем не менее, ради безопасности Цин И пока оставили во дворце, выделив ему покои в Пухуачжай — Обители Аирового Цвета.

После бессонной ночи, оказавшись наконец в своей комнате, Цин И так и не смог сомкнуть глаз. За окном дождь давно прекратился, уступив место ясному утру. На листьях деревьев еще дрожали редкие капли ночной влаги, вспыхивая бриллиантами в лучах восходящего солнца.

Обстановка в обители была скромной: пара столов, стулья и кровать, отделенная от остального пространства шелковой ширмой с туманным горным пейзажем. По углам лежа высились столбики, поддерживающие серый, выдавший виды балдахин из грубой кисеи.

Измученный голодом и усталостью, Цин И без сил рухнул на постель и уставился в потолок.

"Что мне теперь делать? — билось в голове. — Может, все это лишь затянувшийся кошмар? Вдруг я сейчас усну, а проснусь у себя в кабинете? Вокруг будут привычные папки с историями болезней, новенький компьютер IBM, купленный всего неделю назад... За окном — вечно серое небо Шэньчжэня, на дорогах — пробки из модных автомобилей, а по тротуарам спешат куда-то яркие, красивые девушки".

Ему даже лицо главврача — вечно улыбающегося, похожего на пухлого Будду — сейчас казалось невероятно родным и милым. И плевать, что этот скряга в прошлом месяце снова урезал его премию вдвое. Вспомнились и коллеги — те еще пройдохи и жмоты, но такие близкие... Санька, Дылда, Кабель...

"Как же хочется вернуться... — защемило в груди. — Вдруг я просто тяжело ранен? Полежу в реанимации пару дней и приду в себя? Все это вокруг — просто бред воспаленного разума".

Он безумно тосковал по Фэй Юй. Если бы ему только дали шанс вернуться, он бы сразу нашел ее. Рассказал бы все, открыл бы душу. Объяснил бы, наконец, что те дурацкие чеки и переписка в чате — грязная подстава, которую устроил его братец Цин Хао. Как же глупо все вышло!

Душевная рана болела сильнее физической усталости. Цин И даже не пытался анализировать свое нынешнее шаткое положение. Да, с авитаминозом у императора он временно выкрутился. А дальше? Четыре года бакалавриата, четыре года в медицинской академии, два года интернатуры и год узкой специализации — все его колоссальные знания обесценились в один миг. Он привык полагаться на точнейшее современное оборудование, обилие импортных препаратов, антибиотики, стерильные операционные. Теперь же, когда в его распоряжении остались лишь сухие травки да древние трактаты, он на собственной шкуре почувствовал, что значит быть безоружным перед лицом болезней.

"Это не мой мир! Господь явно перепутал папки с личными делами, или какой-то ангел уснул на рабочем месте!" — Цин И яростно проклинал вселенскую несправедливость.

"Что же мне делать..."

Разглядывая пыльный балдахин, он вдруг поймал себя на мысли: а как вообще умер прежний

владелец этого тела? Е Юань. Всего десять ударов палками — разве можно от такого испустить дух? Цин И прижал пальцы к запястью... Пульс был частым, но в остальном ничего подозрительного.

Впрочем, разгадка чужой смерти сейчас волновала его меньше всего. Существовала проблема куда более приземленная и неотложная. Ему требовался туалет. Желательно — современный унитаз.

Одно дело — неловко справлять нужду, держа в руках чужое, не принадлежащее тебе с рождения естество. Но совсем другое — столкнуться лицом к лицу с местным «чудом сантехники». Когда Цин И увидел так называемый ночной горшок — громоздкую деревянную лохань, расписанную аляповатыми узорами, — его "младший брат" наотрез отказался сотрудничать.

Пришлось признать поражение. Проклятая посуда словно насмехалась над ним, широко разинув пасть, а Цин И уныло смотрел на поникшего "младшего брата" и готов был выть от бессилия.

Кое-как, после долгих мучений, он приноровился к сложной системе завязок на штанах и халате. Выйдя из уборной, он зажмурился от яркого солнца. Небо над головой сияло чистейшей лазурью. На мгновение ему снова показалось, что все это лишь сон.

Он вернулся в комнату и рухнул на кровать. Перед тем как закрыть глаза, он словно заклинание шептал: "Это сон, это просто сон. Я проснусь, и все закончится".

Будучи до мозга костей человеком двадцать первого века, Цин И привык к комфорту, бешеному ритму мегаполиса, интернету и автомобилям. Оказаться в этом полудиком, застрявшем в веках мире было невыносимо. Разум отчаянно протестовал. Если это не сон, то как ему выжить? Он ведь даже одеваться сам толком не умеет! Неужели придется учиться писать кистью, говорить на старинный манер, а в худшем случае — пахать землю, чтобы не умереть с голоду?

Разве может судьба посмеяться над человеком еще злее?

Как говорится, болезнь приходит быстро, как обвал в горах, а уходит медленно, как шелковая нить из кокона. Однако недуг императора Цюй Ли не был смертельным. Уже через пару дней правитель пошел на поправку. Весь дворец словно вздохнул с облегчением. Евнух Юнь Чжоу при каждой встрече расплывался в такой приторной улыбке, что так и сыпал любезностями: "лекарь Е" тут, "лекарь Е" там. Из захудалой Обители Аирового Цвета Цин И оперативно переселили сначала в Павильон Понимания Дождя, а затем — в Обитель Бамбукового Тепла. Каждое новое жилище было роскошнее предыдущего.

Слуги предугадывали малейшее его желание. Они вели себя тише воды ниже травы, но при этом строго следовали бесчисленным правилам. Цин И быстро уяснил: в какой час подавать воду для умывания, в какие дни набирать ее из колодца, а когда собирать росу; по четным дням

на завтрак полагалось одно меню, по нечетным — другое. Даже палочки для еды должны были лежать строго в определенном направлении. Вода для купания настаивалась на травах по строгому графику: понедельник, среда, пятница. Не говоря уже о правилах перемещения по дворцу: туда не ходи, сюда не смотри, слуги передвигаются по одним дорожкам, чиновники — по другим, наложницы — по третьим, а император — только по центральной нефритовой тропе. Голова шла кругом. В конце концов Цин И плюнул на все и просто сидел целыми днями у окна, безучастно глядя на сад.

Прошло три дня. Ночами он почти не спал — проваливался в тревожное забытие, то и дело просыпался в холодном поту, осознавая, где находится. В груди словно поселился тлеющий уголь, выжигающий душу изнутри. Каждое утро он боялся открывать глаза, отчаянно надеясь увидеть побеленный потолок больничной палаты и почувствовать родной запах хлорки. Но реальность раз за разом безжалостно рушила эти иллюзии.

"Неужели я застрял здесь навсегда?" — Цин И тяжело вздохнул, прижавшись лбом к прохладному оконному стеклу. Принять эту мысль было выше его сил. Но иного пути не было. Без гроша в кармане, в чужом, слабом теле, он даже за пределами дворца протянул бы недолго.

"Пахать землю? — он с горькой усмешкой взглянул на свои тонкие, бледные пальцы. — В этом теле и пяти минут с мотыгой не продержишься. Куда делся мой загар и рельефный пресс, которые я трижды в неделю полировал в спортзале? Эх..."

Будь у него хоть немного золота, он мог бы открыть лавку. Но карманы были пусты. Сдавать государственные экзамены? Смешно — он даже кисть в руках держать не умел. Цин И тоскливо вздохнул. Как бы на его месте поступила Фэй Юй? Она всегда была сильной. После той тяжелой болезни она повзрослела раньше сверстниц. Но... прошлое уже не вернуть.

В огромном императорском дворце правитель Цюй Ли был подобен солнцу, вокруг которого вращались тысячи мелких планет-слуг. По тому, как заискивающе стали вести себя молодые евнухи, Цин И понял: грядут перемены. И судя по их сияющим лицам, перемены к лучшему. Дворцовые слуги — лучший барометр местной политической погоды.

Вскоре слухи подтвердились. По дворцу поползли разговоры, что в Императорском медицинском приказе — Императорской академии медицины — освободилась должность старшего лекаря. Кое-кто из придворных уже порекомендовал Е Юаня на это место, и Его Величество вроде бы благосклонно отнесся к этой идее.

От этой новости у Цин И по спине пробежал ледяной пот.

Из болтовни слуг он успел уяснить, как устроен этот Императорский медицинский приказ Королевства Цюй. По сути, это была главная государственная больница страны. Во главе стоял верховный лекарь — местный главврач. Ему подчинялись два заместителя — левый и правый. Далее шли старшие лекари, которые лечили исключительно императорскую семью, и младшие лекари, обслуживавшие министров, чиновников, а также военные гарнизоны и тюрьмы.

Замыкали иерархию аптекари и мелкие писцы.

Обычно продвижение по службе здесь занимало годы. Кандидаты сдавали сложнейшие экзамены, карабкаясь по карьерной лестнице строго по ступеням: от младшего лекаря к старшему, от старшего — к заместителю главы приказа.

И вот теперь императорское "благодарно отнесся" означало, что безродный Е Юань должен перемахнуть через несколько ступеней разом. Для Цин И это решение было сродни смертному приговору. Он ведь прекрасно знал, что он — самозванец. Если на серьезном осмотре он допустит хоть малейшую ошибку...

Лечить сиятельных особ — все равно что ходить по лезвию ножа. Любая ошибка каралась не увольнением, а плахой. Избалованные роскошью императоры и наложницы страдали от букета скрытых недугов, вызванных переизбытком и праздностью. Лечить их приходилось мягко, а если средство не помогало — виноватым всегда объявляли врача.

Цин И весь вечер ломал голову над тем, как деликатно отказаться от столь опасной милости.

Но с закатом солнца его сомнениям пришел конец.

В Обитель Бамбукового Тепла лично пожаловал император Цюй Ли.

<http://bllate.org/book/20580/2116452>